

Жизнь епархии в Дагестане: паломничество, память, диалог



Увидеть жизнь Махачкалинской епархии и познакомиться с ее повседневной деятельностью можно, присоединившись к паломникам. Паломническая служба епархии — одна из самых молодых в нашей Церкви. Тем не менее она предлагает насыщенный маршрут, в котором Дагестан открывает свою благородную красоту — морскую и горную, древнюю и современную, требующую от богомольца внимательного взгляда. Путь по храмам, памятникам, городам сопровождают истории мученичества и исповедничества, страха и боли, веры и молитвы. И тогда становится заметно другое измерение епархиальной жизни — деятельный межрелигиозный диалог: в соседских отношениях и совместных жестах поддержки, в городском сосуществовании трех религий, в проектах, где рядом оказываются духовенство, молодежь и представители разных вероисповеданий. В Махачкале, Дербенте и Кизляре встретимся с теми, чьими трудами укрепляется регион, кто превращает пережитое в источник новой энергии.

Иоанн Русский: православный святой среди мусульман

Две тысячи восемнадцатый год в Махачкалинской епархии — год трагический. Сразу два нападения на православные церкви, в Кизляре и в Грозном. Несколько убитых прихожан и сотрудников полиции, охранявших храмы. Для общин Дагестана и Чечни это время переживалось как собственная Голгофа.

«Когда убивают твоих знакомых, прихожан, сотрудников полиции, охранявших церковь, ты начинаешь по-другому смотреть вообще на все, — делится сотрудница епархиального управления Анастасия Витер. — И на храм, и на отношения с соседями, и на то, чем ты можешь ответить Богу». Анастасия уже несколько лет руководит паломнической службой епархии, чья деятельность началась после терактов 2018 года. По благословению Святейшего Патриарха Кирилла архиепископ Махачкалинский Варлаам поехал в Грецию, на остров Эвбея, к мощам праведного Иоанна Русского. О нем и сегодня мало кто знает в России, а в Дагестане в те годы не знал практически никто.

«Владыка поехал, молился у раки, — говорит Анастасия. — И настоятель подарил нам икону с частицей мощей. Когда икону привезли, я подумала: мы знаем Иоанна Предтечу, Иоанна Богослова, Иоанна Воина... А кто такой Иоанн Русский? Владыка только улыбнулся: "Будешь молиться — узнаешь"».

А узнать его стоило. Праведный Иоанн Русский — православный святой-исповедник, по преданию, родился около 1690 года на землях

Запорожского войска, был солдатом армии Петра I и в ходе русско-турецкой войны попал в плен. Так он оказался в рабстве у турецкого военачальника в Каппадокии, в селении Проконион (по другим сведениям, Прокопи; ныне Ургюп). Святой Иоанн отказался принять ислам, терпел унижения, жил при конюшнях,

Датунский храм (слева)

Икона святого Иоанна Русского с житием (внизу)





Прибытие иконы святого Иоанна Русского с частицей мощей в Махачкалу. 7 июня 2018 г. (слева)

Анастасия Витер с паломниками в Свято-Успенском соборе Махачкалы (справа)



сочетая тяжелый труд со строгим постом и тайной молитвой в местной христианской церкви, и со временем даже у хозяев заслужил уважение за кротость и милосердие. После смерти тело его оказалось нетленным; впоследствии мощи стали главной святыней Прокопи, а в XX веке были перенесены в Грецию: в 1924 году греческие беженцы вывезли святыню из Малой Азии и принесли на остров Эвбея (Эвия), в нынешний Нео-Прокопи, где и сегодня к ним ежедневно стекаются паломники.

Святой, проживший всю жизнь среди мусульман, сохранил православную веру и доброе отношение к окружающим... В Дагестане его постепенно стали воспринимать как своего: к иконе потянулись люди, появились первые частные поездки, просьбы о молебнах и благодарственные записки.

Паломническая служба: когда дело стало общим

Несколько лет все держалось на энтузиазме: кто-то просил показать храм, кто-то приводил знакомых, кто-то заезжал по дороге на море или в горы. Это были еще не организованные туры, а «ручейки», из которых спустя время сложился поток. Переломный момент наступил зимой 2021/22 года. На общецерковном

уровне было объявлено о создании единого реестра паломнических служб России: центры, внесенные в него, должны были работать по единым стандартам и сотрудничать между собой. Владыка Варлаам собрал духовенство. «Создаем свою паломническую службу, — сказал он. — Кто возьмется?» Священники переглянулись — и выбрали Анастасию. «Я пошутила, что, если женщина чем-то руководит, работать будут все, — улыбается она. — Но сама бы я не решилась. Это Кавказ, православных немного, работы много, ответственности еще больше». Так в Махачкале появилась официальная паломническая служба. Нужно было не просто принять первых гостей, а спланировать маршрут: путешествие, в котором молитва, история и природа складывались бы в единый рассказ о духовной жизни Дагестана.

Значительную поддержку православной епархиальной паломнической службе оказало региональное Министерство по туризму и художественным промыслам. Министр Эмин Мерданов, мусульманин по вероисповеданию, хорошо понимал, что образ республики в России искажен. «Он говорил: люди приезжают и думают, что у нас только мечети, — рассказывает Анастасия. — А у нас и храмы древние, и исторические места. Самый древний храм —



Датунский, X–XI века, его строил грузинский миссионер».

Министерство предложило провести ознакомительный тур для руководителей паломнических служб из разных регионов: показать маршруты, обсудить логистику, познакомить людей между собой. Епархиальная паломническая служба договорилась с разными регионами. Общий визит должен был состояться в июле 2024 года. Но за две недели до назначенной даты — новое испытание: теракты в Махачкале и Дербенте и убийство отца Николая Котельникова.

«У меня был такой страх, — признается Анастасия. — Как я после этого повезу сюда людей?» Но память о пережитом стала лишь прочным основанием, чтобы собраться с силами и продолжать жить. Инфотур перенесли с июля на сентябрь. Кто-то отказался, испугался; кто-то, наоборот, счел важным приехать именно в этот момент. В итоге в республику все-таки прилетели представители разных епархий. «Они были потрясены увиденным, — продолжает Анастасия. — Говорили: "Мы не знали, что Дагестан такой"».

Крещение у Каспийского моря

Один из гостей, руководитель паломнической службы из Центральной России, во время

экскурсии вдруг сказал: «Как это — на Крещение, на освящение Каспийского моря, в Дагестан съездили всего восемь человек? Я бы три автобуса привез». Сначала это прозвучало как вежливость, но промыслительным образом стало воплощаться в жизнь: к следующему Богоявлению действительно готовили уже не единичных смельчаков, а организованные группы.

«Когда у нас Крещение, — рассказывает Анастасия, — на площади перед храмом стоят автобусы, людей отвозят к морю. Там уже все готово: дежурит МЧС, палатки, горячий чай. Эта система отлаживается уже несколько лет. И самое удивительное для людей из других регионов — что и мусульмане приходят, смотрят, поздравляют». Соседи Анастасии по дому, мусульманская семья, каждый год ждут другой большой праздник — Пасху. «Они говорят: "Самый святой праздник — Пасха, потому что Анастасия принесет яйца и куличи", — улыбается она. — У меня сын — единственный православный ребенок в классе, тридцать один человек, но нас поздравляют все. Я пеку куличи, крашу яйца, собираю сладости — и дети знают, что такой праздник есть, что Марка надо поздравить». Поэтому люди, приезжающие сюда помолиться и окунуться в Каспий, видят не только собор и море, но и то, как в мусульманском регионе

С 2014 г. Великое освящение вод Каспийского моря совершается ежегодно



Вид на Махачкалу со стороны Каспийского моря (вверху)

Знаменский собор Хасавюрта (справа вверху)

Джума-мечеть (справа по центру)

Свято-Успенский кафедральный собор Махачкалы (справа внизу)

живет маленькая православная община: в диалоге и взаимных визитах.

Немало примеров открытости и среди мусульман-экскурсоводов. Многие православные достопримечательности включены в региональную туристическую программу, и это воспринимается как профессиональная норма, продиктованная реальностью многонационального Дагестана. Экскурсоводы регулярно привозят группы из разных регионов России.

Паломническая карта епархии

Паломнический маршрут охватывает значительную часть исторических, культурных и природных достопримечательностей Дагестана. Первая точка — Махачкала. Это столица республики и крупнейший город Северо-Кавказского федерального округа, расположенный на западном берегу Каспийского моря; это морской порт и главный транспортный узел региона. Он вырос из Петровского укрепления, заложенного в 1844 году, получил статус города в 1857 году (Петровск-Порт). Здесь паломники знакомятся с Успенским кафедральным собором, прикладываются к иконе с частицей мощей праведного Иоанна Русского, узнают историю Православной Церкви в Дагестане.

Следующая важная точка — Кизляр. Местный православный приход подвергся нападению террористов на Прощеное воскресенье

2018 года. Паломники погружаются в эту историю исповедничества, но видят и ту жизнь, которой город живет сегодня. «Мы показываем не только трагедию, — объясняет Анастасия. — В Кизляре замечательный краеведческий музей; крупнейший коньячный завод, который для нас прежде всего символ труда людей; Крестовоздвиженский женский монастырь, расположенный на кладбище. Там живет одна матушка, она все делает сама — молится, ухаживает за храмом и территорией».

Еще одна точка Кизляра — Никольский храм, разрешение на строительство которого давала еще Екатерина II. Через него, через прошлое кизлярского казачества паломники смотрят на север Дагестана не как на опасную окраину, а как на часть великой российской истории.

Далее маршрут разворачивается к югу, к Дербенту. Здесь уже другая атмосфера: узкие улочки древних махаллей, каменные лестницы, запах чая из дворов. Над городом возвышается крепость Нарын-Кала, древнейшая в России: говорят, ее возраст пять тысяч лет. В старом городе рядом стоят мечеть, христианский храм, синагога, музей трех религий.

«Дербент — колыбель трех религий, — говорит Анастасия. — Здесь видно, как христианство, ислам и иудаизм существуют бок о бок в повседневной жизни». Паломники гуляют

по Улице счастливых людей — так называют один из отреставрированных старых кварталов, заходят в Покровский храм, в древнюю Джума-мечеть, слушают рассказы о древнем государстве Кавказская Албания и о Шелковом пути. Смотрят Памятник дружбе трех религий, где в центре за бронзовым столом изображен православный священник, прототипом которого послужил протоиерей Николай Котельников.

Отдельный пункт в маршруте паломников — Датунский храм X–XI века в Шамильском районе. Это небольшая каменная церковь, построенная грузинским миссионером. Внутри строгие стены, узкие оконца, полосы света. Именно здесь в тишине многие паломники ощутимо чувствуют связь с теми временами, когда христианство только укоренялось на Кавказе. «Наша большая мечта — чтобы там регулярно были службы, — признается Анастасия. — Пока в эту церковь раз в год приезжает грузинская диаспора, и наши прихожане тоже берут иконы, свечи, едут».

Между этими опорными точками маршрута еще десятки мест: Казанский храм в Каспийске, тонущий в цветах; храм преподобного Серафима Саровского в Избербаше и горячие источники; Хасавюрт с его Знаменским собором — самым большим храмом Северного Кавказа; Сулакский каньон и подвесные мосты туристического комплекса.

Первая точка: Успенский собор Махачкалы

Начальная точка паломнического маршрута — Успенский собор Махачкалы. Он был построен в 1905–1906 годах в неовизантийском стиле и освящен в честь Моздокской (Иверской) иконы Божией Матери. После революции был закрыт и вновь открылся уже в 1945 году — тогда же его освятили в честь Успения Пресвятой Богородицы. С 1969 года в соборе находится иконостас из московского храма Архангела Гавриила (Меншиковой башни). В 2000 году он получил статус кафедрального. Одна из его уникальных особенностей в том, что росписи интерьера в нем выполняли местные мусульманские художники под руководством заслуженного художника России А. Мусаева.

Вместе с Анастасией мы проходим по следам теракта 2024 года. На асфальте — черные следы



от пяти взорванных и сгоревших машин. В корпусе епархиального управления еще видны следы ремонта: второй и третий этажи были сожжены террористами. «Я три дня не могла войти в храм, — признается Анастасия. — Это не просто стены — ты каждую вещь знаешь, где что лежит, кто это делал. Для меня, человека церковного, это было очень тяжело». За алтарем — могила убитого в том теракте охранника собора, Михаила. Он был единственный, кто не успел спрятаться в храме. То был вечер праздника Пятидесятницы, канун Дня Святого Духа. Богослужение уже закончилось, прихожане собирались расходиться. В этот момент отслужившему всенощное бдение иерею Сергию Абасову позвонила жена: ее отца, протоиерея Николая Котельникова, настоятеля храма в Дербенте, убили. Отец Сергей запретил людям покидать храм.

Храм стал убежищем. Терракт в Махачкале в 2024 году

«Я пошел к престолу помолиться об упокоении отца Николая, — вспоминает священник. — Минутки две прошло, и слышу: за оградой стрельба. Потом увидел, как начали перепрыгивать через забор на территорию». Отец Сергей завел всех людей в храм и закрыл окна и двери. «Я вспомнил, что дверь Александровского придела осталась открыта, — говорит священник. — Подхожу, смотрю — возле окна крепкий мужчина с автоматом стоит. Наш, не наш? Стреляли-то из другого оружия, американского, глухие выстрелы, как с глушителем. А у этого автомат отечественный. Уже к двери подошел, хотел сказать: "Заходи, брат, спасайся", — вспоминает отец Сергей. — И почувствовал: нет, не наш. Мы с ним метрах в двух друг от друга стояли: он к двери идет, я за дверью. Хорошо, не успел он меня выстрелом поймать. Я дверь захлопнул, он сразу очередью по окнам».

Дверной засов долго не поддавался — это запомнило отцу Сергию теракт в Грозном. Плотнo закрыв дверь, он взял своих детей (все четверо оказались в этот момент в храме) и с прихожанами поднялся в комнату на колокольне.

«Там сидели пять часов, — вспоминает отец Сергей. — Потом нас в полночь вывели, до двух ночи в РОВД, с двух до половины пятого

в Следственном комитете. В ту ночь мы вообще не спали».

Грозный 2018: память о первом пережитом нападении

Этот теракт — не первый в жизни отца Сергия. До Дагестана была Чечня в 2018 году. Священник был тогда ключарем храма Архангела Михаила и благочинным Грозненского церковного округа. «В Грозном они зашли на территорию прямо через главный вход, — вспоминает он. — Пока шли — стреляли, а я закрыл дверь в храм. Замок не работал, так что я повис на ней, пока они ломались».

Рядом был один из прихожан, Федор, хирург. «Он сказал: "Батюшка, давай я тебя подмешу", — рассказывает священник. — Только он встал — дробь прошила дубовую дверь. У них охотничье ружье было. Пуля пробила легкое и застряла в теле. Все в крови было. Федор выжил, но так с пулей и живет».

Среди нападавших было трое чеченцев и один ингуш. Антитеррористической операцией руководил лично Рамзан Кадыров. Все напавшие боевики были уничтожены. «Родители Федора побежали в аптеку, а хозяином ее был отец двух боевиков. Он еще не знал, что они убиты. Лекарства бесплатно дал: "Это на благое дело". Потом, когда опознали боевиков, родителей выселили из города...»

В эти моменты самое уязвимое — семья. Супруга отца Сергия и их дети — часть всех этих историй, так же, как прихожане и сотрудники. «Дети мои тогда на улице остались, — вспоминает отец Сергей нападение в Грозном. — Матушку один преследовал: она выбежала, когда он перезаряжался, а он за ней. Она в трапезную забежала, а там панорамные окна — он все снес. Она в подвал спустилась. Дети в приходском домике спрятались. Сын, ему четыре года, выбежал — я его в окно затолкал».

Каждый раз незадолго до теракта преступники приходили изучать будущее место преступления. «В Чечне приходили в храм, расспрашивали, считали количество прихожан. В Махачкале тоже приходили странные люди с телефонами, снимали; но не боевики, может, разведка какая-то. Потом террористы здесь хорошо ориентировались».



«Грозный, Махачкала... Вы же понимаете, что все может повториться?» — спрашиваю я.

«Да я уже привык, — задумчиво отвечает отец Сергей. — Опыт есть — как дверь закрывать и защищаться. Другой бы, может, растерялся, потому что первый раз. Кто знает, как бы это закончилось тогда?»

Дербент. Город отца Николая Котельникова

Из Махачкалы мы едем в Дербент, самый старый город России. По дороге заезжаем в Каспийск. В Казанской церкви встречает настоятель — иеромонах Иоанн (Анисимов), председатель епархиального отдела по взаимоотношениям Церкви с обществом и СМИ. Храм новый, середины 2000-х: община сформировалась в конце 1980-х, в 1994 году приход получил официальную регистрацию, а верхний храм был освящен уже в 2002 году. Внутри церковь полностью расписана, а на территории — цветущий сад. Вместе с отцом Иоанном мы едем дальше в Дербент.

Город полон достопримечательностей. Помимо крепости Нарын-кала, построенной в VI веке, и старинной Джума-мечети VIII века паломники с особым вниманием посещают теперь Покровскую церковь: в тот же день, когда в Махачкале отец Сергей вместе с прихожанами спасался от боевиков, в Дербенте вторая группа террористов убила отца Николая Котельникова.

Покровский храм был построен около 1900 года. В революцию был закрыт и открылся вновь только в 1946-м. С тех пор его больше не закрывали. Единственный православный храм Дербента, он остается одной из обязательных остановок для паломников, приезжающих в «город трех религий».

Мы заходим на территорию храма со стороны алтаря. На стене храма и в ограде — следы от пуль с 2024 года. Подходим к могиле отца Николая. «Ищите же прежде Царства Божия и правды его, и это все приложится вам (Мф. 6, 33)», — написано на могильном кресте. Нас встречают иерей Михаил Лобов, настоятель храма и зять отца Николая, а также Валентина и Ольга — супруга и дочь отца Николая.

Заходим в храм, рассматриваем старинное убранство. Отец Михаил показывает образ Николая Чудотворца: «Вот эта икона — из собора великомученика Георгия Победоносца, главного православного храма Дербента, разрушенного в революцию. Мы это по фотографиям знаем, где изображен этот киот».

Затем вместе с отцом Михаилом заходим в приходской дом. Здесь живет вся их семья — у отца Михаила четверо детей. Направо — комната отца Николая, уголок с иконами, лампадка. Налево — комната, где его убили, когда он отдыхал. После перенесенного инсульта батюшка еле-еле начал ходить с костылями. В тот день террористы вошли в дом, и отец Николай попытался встать — тогда в него выстрелили

Слева направо: иерей Сергей Абасов, протоиерей Николай Котельников, иерей Михаил Лобов (слева)

Церковь Покрова Пресвятой Богородицы в Дербенте (справа)



Крепость Нарын-кала входит в список всемирного наследия ЮНЕСКО (вверху)

Лучше всего сохранились южные ворота Кала-капы. Они были сооружены в XVIII в., разрушены в 1920 г. и восстановлены в 1960 г. (внизу)

несколько раз. И когда умирающий священник приподнялся на костылях, чтобы сделать последний вздох, боевик, испугавшийся, что батюшка выжил, ударил его ножом в шею. Все происходило на глазах у близких.

Террористы в храме находились недолго — больше никого не тронули. Их целью был отец Николай — оплот межрелигиозного мира и диалога. Однако на следующий день в храме нашли рюкзак с гранатой. Узнать о нем помогли две молодые мусульманки. Они пришли посмотреть храм и во время стрельбы спрятались под столом.

«Они все видели: как дверь горит, как стреляют, — рассказывает Ольга Котельникова. — Когда нас потом пустили в храм, они пришли

и говорят: мы оставили рюкзак. Я вроде бы помнила этот рюкзак, взяла его, открыла — а там нож, граната... Нас снова всех вывели, все оцепили. Оказалось, боевики впопыхах оставили свой рюкзак».

Отец Михаил говорит просто: ему есть что передавать потомкам — не только храм, но и веру людей, которые спасались в этом храме. «Наши предки все сохранили и передали нам, — повторяет он. — Теперь наша очередь сохранить и передать дальше».

Кавказский Иерусалим

Дербент тянется вверх к древним стенам в узком промежутке между Каспием и горами. Здесь, в дербентской крепости, сегодня гуляют паломники, но еще недавно эти стены видели и ханский дворец, и казематы, и царский гарнизон. Мы входим в пространство, которое веками защищало южные ворота России. До вхождения Дербента в ее состав крепость была резиденцией местного хана.

Крепость Нарын-кала — это место, где жил хан и те, кто ему прислуживали, — рассказывает отец Иоанн. — А жилой и ремесленный город был внизу». Две крепостные стены от крепости и спускаются к морю. Одна сохранилась лучше, другая хуже, но когда-то стены уходили прямо в воду, перекрывая этот узкий коридор между горами и морем. «Дербент переводят как "закрытые ворота", — объясняет отец Иоанн. — Здесь всегда было пересечение торговых путей,

многие правители хотели завоевать город, чтобы контролировать этот участок. Поэтому он постоянно переходил из рук в руки — и персы здесь были, и арабы».

Осматриваем малый зиндан — аналог временного изолятора и большой зиндан — тюрьму постоянного заключения. Оба зиндана имеют одинаковое строение: пространство типа колодца с маленьким окошком на крыше. Вода здесь — вопрос жизни и смерти. «Если хотели город захватить, перекрывали воду или отравляли воду, и тогда город сдавался», — объясняет отец Иоанн, показывая водохранилище и отверстия, через которые доставали воду.

История крепости неразрывно связана с именем Петра I. Царь Петр причалил к Таркам, там, где сегодня Махачкала, поэтому до революции город назывался Петровск. В Дербент Петр I вошел без боя: наиб, правитель города, вынес ему ключи на подносе. С того момента здесь был царский гарнизон. «1722 год, Каспийский и Персидский поход Петра Великого, — напоминает отец Иоанн. — С этого времени начинается история Каспийской флотилии». Дербент часто называют Кавказским Иерусалимом: «Здесь три конфессии — христианство, ислам и иудаизм».

Город делился на три части, кварталы внутри могучих стен до сих пор называют магалами. «В верхней части жили люди более состоятельные, — рассказывает он. — В основном азербайджанцы. В средней — евреи, там же стояла и стоит синагога. В нижней части, ближе к морю, жили христиане».

Затем мы осматриваем крестово-купольное сооружение — главное открытие в Нарын-кале последних годов. Несколько лет историки бьются в надежде доказать, что это храм IV–VI веков, постепенно ушедший под землю, а затем, примерно с XVII века, использовавшийся как водохранилище. Один из аргументов — его архитектура: пространство образуют центральный неф и пересекающий его трансепт, а над средокрестием возвышается купол, сохранившийся лишь частично. В куполе устроено окно — именно через него можно рассмотреть интерьер. Если здесь действительно был храм, — а сомневаться в этом приходится все меньше, — то он точно принадлежал Церкви Кавказской Албании.



Кафедра предстоятеля этой Церкви находилась в Дербенте.

После Нарын-калы спускаемся в магалы. Заходим в старейшую мечеть России — дербентскую Джума-мечеть. Это один из самых узнаваемых памятников исламской архитектуры Северного Кавказа: ее строительство обычно датируют 115 годом хиджры (733–734 гг.), традиция связывает основание с арабским полководцем Масламой ибн Абд аль-Маликом; после разрушительного землетрясения мечеть была воссоздана в 1368–1369 годах, а затем неоднократно расширялась и перестраивалась. Рядом во дворе — огромные платаны, которым больше 800 лет.

Нас приветливо встречают ахунд Джума-мечети Сеид-Гашим Миртеибов и председатель совета мечети Сеид-Яхья Сеидов. Ахунд Сеид-Гашим стал одним из трех прототипов дербентского Памятника трем религиям, скульптуры, где представители православия, ислама и иудаизма пьют чай за одним столом. Сегодня этот дербентский памятник свидетельствует о прочном межрелигиозном мире в Кавказском Иерусалиме.

Кизляр: крестный ход как городская традиция

После Дербента едем в Кизляр. Это старый казачий город, родина терского казачества. До революции здесь было три монастыря и десять храмов. После распада Российской империи казаки стали одной из первых жертв репрессий.

«Кизляр — это такой казачий край. Во время революции, гонений, репрессий на Церковь очень много казаков в низовьях Терека, в том

Крестово-купольное сооружение в крепости Нарын-кала. Вид сверху. Высота около 11 метров



Общегородской крестный ход в праздник Воздвижения Креста Господня в Кизляре

числе в Кизляре, было уничтожено, — рассказывает настоятель Георгиевского собора Кизляра, секретарь Махачкалинской епархии иерей Павел Каликин. — У Георгиевского собора, главного храма города, в двухтысячные годы казаки насыпали курган и установили памятный крест. На этом месте в советские годы очень много было расстреляно казаков, и там же в братской могиле они похоронены».

Десять лет назад в Кизляре по инициативе архиепископа Варлаама установилась новая традиция — общегородской крестный ход в праздник Воздвижения Креста Господня. За это время он стал не только важным церковным, но и общественным событием. Его посвящение связано с тем, что до революции в городе располагался крупный Крестовоздвиженский монастырь. Сейчас такой монастырь в Кизляре

тоже есть, но он находится в другом месте и он женский. У храма этой маленькой обители, где живет всего одна монахиня, крестный ход берет свое начало.

«Когда впервые в 2015 году состоялся крестный ход, это историческое событие объединило несколько тысяч людей не только из Дагестана, но и из соседних Чечни и Ингушетии, — рассказывает отец Павел. — Он придал новую силу и казачеству, и всем православным людям нашей епархии». От Воздвиженского монастыря крестный ход идет к Никольской церкви на русском кладбище. Здесь совершается заупокойная молитва. Маршрут шествия — около пяти километров. В руках верующих — икона Воздвижения Креста, Казанская икона Божией Матери и образ святого Георгия Победоносца с частицей мощей. Но крестный ход заметен не только по святыням. Как православные, так и мусульмане выходят на улицу, чтобы просто постоять и посмотреть.

«Этот крестный ход объединяет всех людей города, не только православных, — подчеркивает отец Павел. — Люди с добрым, приветственным взглядом выходят, улыбаются, радуются, фотографируют. Это еще раз подтверждает, что Дагестан — уникальное место, где на протяжении уже многих веков уживается в мире многонациональный и многорелигиозный народ, несмотря на попытки враждебных сил внести раздор в наше согласие». Представители власти также принимают участие. Часто приезжает министр по национальной политике Темирлан Абдулатипов, который исповедует ислам. Члены Правительства Республики, руководители местной администрации идут в первых рядах.

Кизляр после теракта 2018 года: память и продолжение жизни

Конечная точка крестного хода — Георгиевский собор. Подходя к нему, на память приходят события 2018 года и главная скорбная дата Кизляра — Прощеное воскресенье того года. Отец Павел Каликин тогда уже был настоятелем храма. После службы, когда он разоблачался в алтаре, на территории неожиданно появился вооруженный преступник, 22-летний завербованный сторонник запрещенной террористической организации. «Его цель была зайти в храм и убить побольше людей. Но Господь уберег:

примерно 60 человек уже были в храме, и двери закрыли, когда он собрался ворваться в храм».

В тот день террорист расстрелял пятерых безоружных женщин-прихожанок — они собирались домой после службы и стояли в разных местах у храмовой ограды. Невинно убиенных провожали всей общиной через несколько дней после теракта. Их похоронили на территории собора — сегодня это последняя точка Кизлярского крестного хода.

«Наш крестный ход заходит на территорию собора, и у могил этих погибших прихожан владыка поминает Веру, Людмилу, Надежду, Ирину и Веру, невинно убиенных во граде Кизляре за веру свою православную во Христа», — заканчивает свой рассказ священник.

Межрелигиозный форум: диалог, переходящий в опыт

Крестный ход — только одна часть масштабной работы епархии. Другой крупный проект — Международный межрелигиозный молодежный форум, который объединяет православных, мусульман и иудеев. «Первый форум состоялся в 2014 году по инициативе архиепископа Варлаама, сразу после образования Махачкалинской епархии. Его поддержали муфтият и централизованная иудейская община, а также Правительство Республики. В 2025 году форум прошел уже в двенадцатый раз», — рассказывает отец Павел.

Мероприятие собирает молодежь от 18 до 35 лет на несколько дней. Молодые люди слушают лекции, участвуют в беседах, интеллектуальных и спортивных играх. Для участников от каждой из религий готовят отдельную молитвенную комнату. Утро и вечер начинаются с молитвы, а днем проходят дискуссии.

Главная цель форума, по словам отца Павла, — не дать экстремистским идеям укорениться в молодежной среде: «Враги нашего Отечества регулярно пытаются столкнуть лбами представителей различных религиозных организаций, что видно на примере терактов в Дагестане. Чтобы предотвратить экстремистские проявления среди молодежи, проводится этот дружественный форум. Молодые люди — как православные, так и мусульмане, и иудеи — общаются друг с другом, и за несколько дней форума между ними зарождается дружба.

В течение года они поддерживают связь и договариваются уже на будущий год, чтобы также приехать и вместе провести время», — говорит священник.

Опыт последних десятилетий показывает, что духовный поиск молодежи может становиться объектом внешних и радикальных влияний, поэтому просветительская работа и личное общение позволяют надеяться на мирное и стабильное будущее.

«Мы стараемся их объединить в единую силу межрелигиозного диалога, дабы они могли нести доброе семя и свидетельствовать, что межрелигиозный мир и диалог очень важны для человека и для нашей республики. Только в мире можно построить сильное общество», — добавляет отец Павел.

«Раньше не выясняли друг у друга, кто какой религии или национальности»

Еще одно направление работы — совместные выезды представителей разных религий и Министерства по национальной политике и делам религий Республики Дагестан в школы, колледжи и вузы. «На протяжении многих лет существования епархии мы очень тесно сотрудничаем и с муфтиятом, и с централизованной иудейской общиной, и с Министерством по национальной политике. Мы вместе

Монахиня Антонина (Павлова) с прихожанами Крестовоздвиженского монастыря Кизляра





Наталья Макеева с участником инклюзивного проекта «Поем вместе» (слева)

Архиепископ Махачкалинский и Дербентский Варлаам и Архиерейский детский хор Махачкалинской епархии (справа)



посещаем учебные заведения, школы, вузы, где общаемся с молодежью, — рассказывает отец Павел. — Формат встреч прост: мы садимся за один стол — православный священнослужитель, представитель муфтията, представитель иудейской общины, представитель министерства — и беседуем с детьми, объясняем о взаимоуважении друг к другу, об уважении религиозных чувств друг друга. Невежество, незнание элементарных основ вероисповедания твоего соседа, твоего друга может привести к неуважению. Мы своим примером показываем детям, студентам, что нам ничего не мешает вместе сидеть за одним столом, беседовать, разговаривать о главном, о важном», — подчеркивает священник.

За последние годы эта работа дает заметный эффект. «Я родился и всегда жил в Махачкале. И мне повезло: когда мы учились в школе, в советские годы, мы даже не знали, кто какой национальности. Эти вопросы даже не задавались. То есть мои одноклассники не спрашивали: а какой ты национальности? И я никого не спрашивал, потому что это не мешало нашей дружбе», — вспоминает отец Павел. В начале 2000-х ситуация изменилась. «После определенного момента мне стали задавать вопрос: "А ты же русский?" Я говорю: "Да". — "Ты же не мусульманин?" — "Нет, я православный". И переставали общаться», — рассказывает священник. В те годы предпринимались попытки «раскачать обстановку» на национальной и религиозной почве. Но сегодня отец Павел видит на примере своих детей — у него их шестеро, — что это не получается: «Слава Богу, уже года три как в школе — я знаю это на примере своих детей —

перестали задавать вопросы о национальности или вероисповедании», — говорит он.

У Дагестана особая роль: быть моделью мирного сосуществования разных народов и религий. «Здесь просто другого пути нет. Путь, на который подталкивают деструктивные силы, враги нашего Отечества, приведет к гибели. Правильный путь только один — через диалог, добрые и уважительные взаимоотношения», — уверен отец Павел.

Хор, который объединяет

В Махачкале епархия реализует еще один проект, направленный на выстраивание добрых межнациональных и межрелигиозных отношений. В 2024 году был создан детский хор, который с самого начала задумали как пространство для общения детей разных национальностей, вероисповеданий и разной судьбы. «Владыка Варлаам благословил, чтобы хор был объединяющим началом для детей из любых семей, — подчеркивает Наталья Макеева, регент хора, заслуженный деятель искусств Республики Дагестан. — Для того чтобы никто не чувствовал себя чужим и одновременно не говорил, что мы кого-то куда-то "втягиваем", основу репертуара составляют светские произведения».

Сейчас в хоре уже есть дети из разных семей, в том числе мусульманских. Трагические события 2024 года напугали некоторых родителей, и несколько человек временно перестали водить детей на занятия, но вместо них промыслительным образом пришли другие.

Постепенно сформировалась идея нового социального проекта хора — выездные кон-

церы для детей с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ), с вовлечением зрителей в совместное пение. «Мои подруги и коллеги, которые работают с такими детьми в центрах, стали рассказывать мне, что дети с ОВЗ зачастую оказываются в категории брошенных: вроде и уделяют им внимание, но немного», — говорит Наталья. Слова одной из мам особенно ее задели. «Она мне вообще сказала, что нас, как прокаженных, обходят стороной. Многие обещают приехать с концертом для детей с ОВЗ, но в итоге отказываются».

Так родился проект выездных концертов для детей с ограниченными возможностями и ребят из интернатов и неблагополучных семей. Его задумывали как республиканский: хор приглашают в разные города, а в организации помогает аппарат Уполномоченного по правам ребенка в Республике Дагестан.

Первый концерт прошел в ноябре 2025 года. Важная особенность проекта: детям с ОВЗ, которые находятся во время концерта в зале, предлагают поучаствовать, петь со своих мест. Через пару песен они меняются на глазах: улыбаются, пританцовывают и совершенно не чувствуют себя чужими или лишними.

Особое внимание уделяется репертуару. Для детей с ОВЗ выбирают песни из советских мультфильмов — знакомые и понятные. В итоге программа концерта полностью состоит из этих песен: от известных колыбельных до веселых мотивов, которые легко подхватывает зал.

На первом концерте-презентации Наталья познакомилась с несколькими молодыми людьми с ограниченными возможностями, для которых музыка — важная часть жизни. Один из них — 20-летний парень из Дербента. Он хорошо поет и наизусть знает весь репертуар концерта. Другая история — 30-летний выпускник Курского музыкального училища, который учился на дирижера хора, но не смог работать по профессии из-за тяжелых проблем со здоровьем и ухудшения зрения.

«После концерта я разговорилась с его мамой, — вспоминает руководитель хора, — и сказала: давайте в следующий раз попробуем, чтобы он дирижировал одну из песен. Для человека, который учился на дирижера, выйти к коллективу — это же мечта».

Несмотря на стереотипы о закрытости родителей «особенных» детей, впечатление у организаторов оказалось другим. «Я не почувствовала закрытости. Напротив, мне кажется, они более открыты, потому что им тоже не хватает внимания. С кем бы я ни общалась, они, наоборот, хотят еще и еще», — говорит Наталья.

После концерта к ней подходили мамы и папы, делились переживаниями и сразу приглашали хор на мероприятия ко Дню ребенка-инвалида и на другие праздники.

«Я стою спиной к залу и многого не вижу, но чувствую, что зал поддерживает, начали хлопать. Родители подводили ко мне детей, которые прямо тут же начинали петь: "А я вот такую песню знаю..."», — улыбается Наталья.

Чтобы сделать участие незабываемым, организаторы продумывают все до мелочей. Для детей с ОВЗ подготовили специальные дипломы участников. К делу подключилась и воскресная школа: дети готовят сувениры ручной работы, которые будут дарить после выступлений.

«Мы хотим максимально вовлекать их в наше действие, — добавляет руководитель хора. — Не просто концерт "на сцене", а сотворчество: кто-то, может быть, сам начнет танцевать, кто-то выйдет петь, кто-то просто получит свой диплом и подарок, — но это уже шаг к тому, чтобы они чувствовали себя нужными».

Покидая Дагестан

Паломническая поездка помогает увидеть, что епархия живет: поддерживает людей, выстраивает диалог с внешним миром, и делает это без пафоса — в ежедневной и кропотливой работе.

Наш маршрут стал способом собрать в одном движении разные смыслы — веру, память, историю, современную жизнь. И если памятники, храмы и древние города задают масштаб, то люди задают тон: их открытость, собранность и способность сохранять достоинство в трудных обстоятельствах становятся главным впечатлением. В этом, пожалуй, и заключается особый ритм церковной жизни Дагестана: регион не только красив, но и внутренне глубок — к такому хочется возвращаться вновь, не ради впечатлений, а ради смыслов.

Диакон Александр ЧЕРЕПЕНИН